В. Малининъ.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ,

ОСОБЕННОСТИ И РАЗВИТІЕ ЕГО ДАРОВАНІЯ И ТВОРЧЕСТВА.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1906.

В. Малининъ.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ,

ОСОБЕННОСТИ И РАЗВИТІЕ ЕГО ДАРОВАНІЯ И ТВОРЧЕСТВА.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1906.

Печатать дозволяется. 12 декабря 1906 г.

Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ.*

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевской Дух. Академіи».

Ѳ. М. Достоевскій,

особенности и развитіе его дарованія и творчества.

(Рѣчь, произнесенная въ день годичнаго акта Кіевской Духовной Академіи (26 сентября 1906 года).

Исполняя лестное порученіе Совѣта Академіи, мы рѣшаемся предложить вниманію почтеннаго собранія нѣсколько личныхъ своихъ наблюденій надъ литературною дѣятельностію Ѳ. М. Достоевскаго, свойствами его дарованія и послѣдовательнымъ развитіемъ его творчества. Основаніе, по которому этотъ именно предметъ избранъ нами для актовой рѣчи, послужило исполненіе въ январѣ текущаго года двадцатипятилѣтія со дня смерти великаго поэта. Писатель, посвятившій около 30 лѣтъ своей жизни родной литературѣ, горячій патріотъ, одушевленный пламенными мечтами о будущемъ своего народа,—народа, какъ онъ думалъ, единственнаго среди другихъ народовъ, богоизбраннаго, заслуживаетъ благодарной признательности потомства. Можетъ быть, мы и не сможемъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, раздѣлить всѣхъ его надеждъ, по крайней мѣрѣ въ настоящій трудный моментъ; но мы не въ правѣ не цѣнить того горячаго сердца, которое до послѣдняго вздоха печалилось о судьбахъ родного народа, жило его тревогами и радостями. Но кромѣ своего чарующаго патріотизма Достоевскій приковываетъ наше вниманіе силою своего колоссальнаго дарованія, вызвавшаго удивленіе къ нему не только въ родной землѣ, но и

далеко за предѣлами ея. Литературная критика, русская и иностранная, еще не пришла къ согласному выводу въ оцѣнкѣ этого великаго писателя; но въ лицѣ выдающихся критиковъ нельзя не отмѣтить такого приговора: по предмету своего творчества, а еще болѣе по свойству его обработки, какъ говорится, по свойству своего генія, Достоевскій представляетъ въ міровой литературѣ явленіе исключительное, стоитъ совершенно особнякомъ. Одного романа „Преступленіе и наказаніе“ было бы совершенно достаточно, чтобы внести его имя на страницы исторіи міровой литературы, а Достоевскому принадлежатъ еще: „Записки изъ мертваго дома“, „Братья Карамазовы“, „Идіотъ“. Не говоримъ о второстепенныхъ его произведеніяхъ и мелкихъ разсказахъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются интересомъ содержанія, а другіе съ тѣмъ вмѣстѣ и необыкновеннымъ художествомъ обработки.

Знакомымъ съ произведеніями великаго поэта извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ и доселѣ не утратили своей связи съ запросами русской жизни. Въ этомъ состоитъ общественное значеніе произведеній писателя и его личности. Поэтому изученіе творчества писателя вводитъ насъ въ пониманіе современнаго ему общества, тѣхъ запросовъ ума и чувства, которыми это общество жило и продолжаетъ жить.

Но каждый поэтъ, тѣмъ болѣе великій, связанъ съ родной литературой не только кругомъ идей и чувствъ, которыхъ онъ является выразителемъ, но и формами своего творчества. Какъ и всякое искусство, литература имѣетъ свои особыя условія жизни и развитія, движется не только въ области своего содержанія, но и въ области формы, при чемъ развитіе литературныхъ формъ совершается значительно медленнѣе, чѣмъ развитіе и измѣненіе содержанія. Каждый великій писатель вноситъ что либо новое въ содержаніе своихъ произведеній и въ способъ его обработки, но далеко не всѣмъ удается привнести что либо новое въ форму своихъ

произведеній. Вотъ почему при оцѣнкѣ литературной дѣятельности каждаго писателя необходимо выяснить всестороннюю связь его съ писателями предшественниками и современниками, чтобы такимъ путемъ выяснить то новое, что привнесено имъ въ родную литературу въ отношеніи содержанія и формы. Только тогда выяснится съ надлежащею полнотою и ясностію то мѣсто, которое занимаетъ данный писатель въ родной, а гдѣ возможно, и въ міровой литературѣ.

Ѳ. М. Достоевскій родился 30 октября 1821 года, слѣд. въ годъ смерти Пушкина ему было всего около 16 лѣтъ, въ годъ смерти Лермонтова около 20 лѣтъ. Н. В. Гоголь былъ еще живъ, когда Достоевскій выступилъ съ первымъ своимъ литературнымъ произведеніемъ, но для литературы, можно сказать, уже пересталъ существовать. Первый томъ „Мертвыхъ душъ“ былъ послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Гоголя, которое было издано въ 1842 году. Второй томъ если и былъ написанъ, какъ утверждаютъ друзья великаго поэта, то былъ сожженъ авторомъ, а потому, напечатанный много позже по первоначальнымъ наброскамъ, онъ остался безъ вліянія на ближайшую русскую литературу. Вотъ тѣ самыя крупныя дарованія и литературныя явленія, при которыхъ Достоевскому приходилось выступать на литературное поприще. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были высшимъ проявленіемъ русскаго національнаго генія въ области литературы, подняли отечественную словесность на небывалую высоту, сообщили ей значеніе не только національное, но и міровое. Но каждый изъ названныхъ писателей, составляющихъ красу и гордость русскаго народа, одновременно съ своими общими чертами, имѣетъ и свои крупныя личныя особенности, которыя неизбѣжно отразились и на ихъ литературномъ творчествѣ. Достоевскій, разумѣется, зналъ прекрасно сочиненія всѣхъ троихъ, но не могъ въ одинаковой мѣрѣ подчиниться ихъ вліянію, опять-таки въ силу своихъ личныхъ особенностей, въ силу свойствъ своего дарованія.

Въ границахъ актовой рѣчи мы не можемъ затрогивать вопроса объ отличительныхъ особенностяхъ творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя и о томъ вліяніи, которое каждому изъ нихъ принадлежитъ въ послѣдующей русской литературѣ, хотя вопросъ этотъ имѣетъ основное значеніе для историка русской литературы и принадлежитъ къ далеко еще не рѣшеннымъ. Для насъ существенно важно указать, къ кому изъ названныхъ писателей ближе всего примкнулъ Достоевскій по особенностямъ своего дарованія. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ литературы (Кирпичниковъ) [1]) выразилъ это отношеніе такъ: Достоевскій былъ почитателемъ Пушкина и ученикомъ Гоголя. Положеніе это требуетъ объясненія. Изъ статей и замѣтокъ Достоевскаго мы усматриваемъ, что онъ былъ больше, чѣмъ почитателемъ Пушкина. Онъ раздѣлялъ теорію Пушкина художественнаго творчества, такъ называемаго „искусства для искусства", защищалъ эту теорію отъ нападокъ позднѣйшей реальной критики, доказывалъ ея примѣнимость въ новѣйшихъ условіяхъ движенія русской литературы [2]). Что касается до пониманія и оцѣнки литературной дѣятельности Пушкина, то, начиная съ Бѣлинскаго и до сихъ дней, не было и нѣтъ такого глубокаго цѣнителя заслугъ А. С. Пушкина, какимъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Про него мало сказать, что онъ былъ почитателемъ Пушкина; онъ прямо благоговѣлъ предъ нимъ, какъ благоговѣлъ и Гоголь. Лучшая, истинно геніальная оцѣнка Пушкина была сдѣлана Достоевскимъ въ его знаменитой рѣчи о Пушкинѣ 6 іюня 1880 г. при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту. Рѣчь эту онъ начинаетъ словами Гоголя: „Пуш-

---

[1]) См. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи русской литературы, СПБ. 1896 г., стр. 258.

[2]) Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, т. IX, ч. 1, изд. 1895 г., стр. 49 и слѣд.

кинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа"; но прибавляетъ отъ себя: „и пророческое". Это *пророческое* состоитъ, по Достоевскому, въ предопредѣленіи полнаго національизма послѣдующей русской литературы. По взгляду Достоевскаго „никогда еще ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ него, не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ своимъ, какъ Пушкинъ". „Въ Пушкинѣ есть именно что-то сроднившееся съ народомъ *взаправду*". „Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ; по крайней мѣрѣ не проявились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью, не смотря даже на великія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться впослѣдствіи, уже въ наши дни". „Не было бы Пушкина, не опредѣлились бы можетъ съ такою непоколебимою силой наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ". Но Достоевскій идетъ далѣе и утверждаетъ, что „Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность". „Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ". Въ этой особенности Пушкина Достоевскій видитъ указаніе на особенность духа всего русскаго народа и залогъ будущаго предназначенія Россіи [1]). Когда мы читали и перечитывали эти отзывы Достоевскаго о Пушкинѣ, то невольно

---

[1]) Полн. собр. соч. Ѳ. Н. Достоевскаго, т. XI, ч. 1, СПБ. 1895 г., стр. 455, 465, 466, 467.

спрашивали себя: неужели это могъ говорить только почитатель великаго генія русской земли, а не ученикъ его съ тѣмъ вмѣстѣ? Откуда же мы поведемъ тотъ національизмъ творчества самого Достоевскаго, который онъ считаетъ порожденіемъ того же Пушкина и его творчества и величайшимъ пріобрѣтеніемъ всей послѣ-пушкинской литературы? Но мы позволяемъ себѣ отдать на судъ почтеннаго собранія еще одно соображеніе: Достоевскій прежде всего и главнымъ образомъ поэтъ движущейся, нарождающейся, не установившейся Руси, а не традиціонной, сложившейся, вылившейся въ твердыя, устойчивыя формы, въ родѣ типовъ Плюшкина, Коробочки, Собакевича, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и проч. Достоевскій даже какъ будто боится, что жизнь когда-нибудь застынетъ, пріобрѣтетъ и выработаетъ неподвижныя формы, подъ вліяніемъ, напр., послѣднихъ выводовъ науки, ея торжества, успѣховъ творчества генія отдѣльныхъ народовъ и цѣлаго человѣчества. Такія именно мысли онъ выражаетъ по поводу всемірной выставки въ Лондонѣ [1]). Но поэтомъ такой движущейся, прогрессивной Руси у насъ былъ прежде всего Пушкинъ, давшій намъ типы Татьяны, Онѣгина, Ленскаго, Алеко и др.; наоборотъ, Гоголь былъ поэтомъ Руси традиціонной, какъ говорятъ, поэтомъ русской пошлости. Поэтому Достоевскій справедливо долженъ быть понимаемъ не только какъ почитатель, но и какъ ученикъ Пушкина. Въ цѣляхъ наиболѣе точнаго и яснаго рѣшенія по-

---

[1]) „Вы сознаете (при осмотрѣ выставки) исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то... Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ-ли тутъ?... Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно“? Полн. собр. соч. т. Ш, ч. П, изд. 1894 г., стр. 33.

ставленнаго вопроса нельзя не указать взгляда Ѳ. М. Достоевскаго на русскую сатиру. Онъ очень недоволенъ ею. Онъ находитъ, „что сатира наша имѣетъ блестящихъ представителей“, пользуется любовію публики, но „страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностію“, такъ что „положительно нельзя иногда представить..., что именно хочется сказать“ ей, не ясно, во что она сама-то вѣруетъ, „что сама она считаетъ хорошимъ“. Правда, такъ писалъ и говорилъ Достоевскій въ 1877 году [1]) въ своемъ „Дневникѣ писателя“, но въ этой исповѣди сказался не простой отзывъ о русской сатирѣ, но и откровеніе сердца, откровеніе дарованія художника. Отсюда видимъ, что Достоевскій обособлялъ свое дарованіе отъ дарованія Гоголя и другихъ сатириковъ, находилъ его несоразмѣримымъ не по одному достоинству.

Впрочемъ, говоря такъ, мы вовсе не хотимъ сказать, что Достоевскій съ тѣмъ вмѣстѣ не былъ и ученикомъ Гоголя. Когда Достоевскій занесъ извѣстному поэту Некрасову первый свой разсказъ „Бѣдные люди“, то восхищенный Некрасовъ говорилъ Бѣлинскому: „новый Гоголь явился“, очевидно, имѣя въ виду связь „Бѣдныхъ людей“ съ повѣстью Гоголя „Шинель“. Въ „Двойникѣ“ Достоевскаго для всѣхъ была очевидна связь съ „Записками сумасшедшаго“ того же Гоголя. Но по мѣрѣ созрѣванія таланта нашего поэта связь эта становится все болѣе и болѣе неуловимою; напротивъ, связь съ творчествомъ Пушкина становится ощутительнѣе. Необходимо также указать, что „Шинель“ и „Записки сумасшедшаго“ занимаютъ особое мѣсто въ сочиненіяхъ Гоголя, выдѣляются изъ нихъ по своей задачѣ и цѣли. Основная черта дарованія и творчества Гоголя, его именно юморъ, сказалась и здѣсь; но смѣхъ писателя все-таки направленъ не на личность Башмачкина и Попрыщина, а на тѣ условія жизни, которыя подготовляютъ житейскія ката-

---

[1]) Полн. собр. соч. СПБ. 1895 г., т. XI, стр. 27.

строфы такихъ несчастныхъ, какъ Башмачкинъ и Попрыщинъ. „Шинель“ и „Записки сумасшедшаго“ принадлежатъ къ наиболѣе гуманнымъ сочиненіямъ нашего великаго сатирика. Достоевскій, очевидно, почувствовалъ это всѣмъ своимъ существомъ.

Хорошо знакомый съ русской литературой, Достоевскій хорошо зналъ и литературу иностранную. Онъ не прочиталъ, а изучилъ Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Жоржъ-Зандъ, Виктора Гюго, Бальзака, Поль-де-Кока, Флобера, Гёте, Шиллера, Гоффмана, Сервантеса, Данте и др. Въ особенности замѣтно вліяніе на него Жоржъ-Зандъ, Бальзака и Гоффмана; необходимо допустить и вліяніе Поль-де-Кока. Вообще въ образованіи Достоевскаго замѣтно выступаетъ литературная школа. Въ пору обученія въ Инженерномъ училищѣ видно его нерасположеніе къ своимъ прямымъ занятіямъ, особенно къ математикѣ и черченію, хотя онъ въ общемъ учился хорошо. За то всякимъ свободнымъ часомъдня и ночами онъ пользуется для чтенія сочиненій любимыхъ имъ поэтовъ, русскихъ и иностранныхъ. Алек. С. Пушкинъ, рѣшая вопросъ, былъ ли Ломоносовъ геніемъ-художникомъ, рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, установивъ слѣд. признаки генія - художника: онъ любитъ литературное творчество страстно, отдается ему не между дѣломъ, не въ силу служебнаго положенія, а цѣликомъ; въ этомъ творчествѣ онъ видитъ свое призваніе, удовлетвореніе порывовъ и запросовъ души. Съ этой точки зрѣнія Достоевскій былъ истиннымъ геніемъ-художникомъ. Онъ съ досадой исполнялъ свои обязанности инженера, видѣлъ въ нихъ потерю времени, насиліе надъ собой и неустранимыми порывами своего духа и, наконецъ, вышелъ въ отставку, „самъ не зная, почему“, какъ выражался онъ впослѣдствіи.

Тотъ же геній-художественнаго литературнаго творчества заставляетъ насъ заранѣе ожидать въ творчествѣ

Достоевскаго такихъ особенностей, которыхъ мы не встрѣчаемъ у другихъ поэтовъ, не исключая и его ближайшихъ учителей. И присутствіе этихъ особенностей у Достоевскаго чувствуетъ каждый, кто хотя немного знакомъ съ его произведеніями. Чувство это является у читателя непосредственно, выражается тою тяжестью впечатлѣнія, которая сопровождаетъ и заканчиваетъ чтеніе его сочиненій. Такого тяжелаго чувства не бываетъ у насъ при чтеніи произведеній даже такихъ писателей, которые преимущественно затрогивали неприглядныя явленія русской жизни, напр., Гоголя, Щедрина, Островскаго, Некрасова. Зависитъ такое впечатлѣніе отъ предмета творчества Достоевскаго, но еще болѣе отъ способа его обработки. Достоевскій прежде всего— поэтъ униженныхъ и оскорбленныхъ, людей обездоленныхъ, страдающихъ и отъ личныхъ недостатковъ, но еще болѣе отъ неблагопріятныхъ условій жизни, которыхъ устранить они не могутъ. Надѣляя своихъ героевъ тонкой, чувствительной и воспріимчивой душой, онъ заставляетъ ихъ страдать тяжело, порой невыносимо. У читателя сжимается сердце отъ боли за судьбу несчастныхъ бѣдняковъ или людей, безсильныхъ защитить свою личность. Такой выборъ предмета зависѣлъ, безъ сомнѣнія, отъ особенной духовной организаціи самого поэта. Человѣкъ замкнутый, наклонный къ нервному возбужденію, больной падучей болѣзнію, Достоевскій сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, воспринималъ тяжелыя и неприглядныя явленія жизни, которыя и становились невольнымъ предметомъ его творчества. Встрѣчаются у него и „хищные“ типы, насильники, въ родѣ помѣщика Свидригайлова, но и эти типы освѣщаются съ той стороны ихъ духовной и физической организаціи, которая дѣлаетъ ихъ жертвами собственныхъ страстей и людьми страдающими и при томъ глубоко и искренно, до самоубійства или помѣшательства.

Тяжесть впечатлѣнія усугубляется самымъ пріемомъ творчества Достоевскаго. Въ силу той же личной своей особенности: замкнутости, самоуглубленія, Достоевскій не столько обращаетъ вниманіе на внѣшнія событія жизни своихъ героевъ, сколько на ихъ внутреннюю жизнь, на то, какъ ихъ душа отзывается на явленія и впечатлѣнія жизни. Достоевскій обычно выводитъ своихъ героевъ въ главный моментъ ихъ жизненной драмы или трагедіи, при чемъ они являются безсильными направить дальнѣйшій ходъ событій по своему усмотрѣнію. При такихъ-то условіяхъ онъ и старается прослѣдить тягостный, порой медленный процессъ душевныхъ страданій своихъ героевъ. Съ цѣлію усиленія этихъ страданій Достоевскій иногда нагромождаетъ одну внѣшнюю случайность на другую, какъ случайныя встрѣчи и столкновенія у Раскольникова, у Алеши Карамазова. Несомнѣнно, что Достоевскій и самъ тяжело переживалъ процессы своего творчества и душевныя страданія выводимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ. Про первый свой трудъ, „Бѣдные люди“, онъ говоритъ, что онъ написанъ слезами. Но Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ страдать и своего читателя. Вотъ почему одинъ изъ литературныхъ критиковъ (Михайловскій) назвалъ его жестокимъ талантомъ и готовъ признать, что мучительство это составляло особенность души самого поэта. Правильнѣе думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ особенностью душевнаго настроенія автора, съ особеннымъ складомъ его ума и чувства. Онъ могъ бы съ полнымъ правомъ повторить слова Печорина,—что въ то время, когда онъ мучитъ другихъ, онъ чувствуетъ себя не менѣе несчастнымъ. Но у Печорина есть возможность допустить преднамѣренность въ мучительствѣ другихъ, тогда какъ въ мучительствѣ Достоевскаго, если только можно говорить объ этомъ мучительствѣ, ни преднамѣренности, ни изысканности допустить невозможно. Товарищи Достоевскаго по „Мертвому дому“ находили его „ребенкомъ“, „слишкомъ доброй души человѣкомъ“, „та-

кимъ простымъ, что жалость беретъ". Отсюда до мучительства очень далеко.

Безспорно одно, что та „жестокость таланта" Достоевскаго, о которой говоритъ Михайловскій, дала такую полноту воспроизведенія душевной жизни дѣйствующихъ лицъ, какой напрасно мы искали бы у другихъ поэтовъ, его предшественниковъ и современниковъ. Онъ истинный представитель психологической повѣсти и романа.

Изображая своихъ дѣйствующихъ лицъ, не рѣдко въ пору тяжелаго ихъ жизненнаго испытанія, нравственнаго паденія и даже ожесточенія, Достоевскій проявляетъ изумительную вѣру въ достоинство человѣческой личности, а потому старается указать въ своихъ герояхъ присутствіе добрыхъ чувствъ. Герой „Бѣдныхъ людей" Быковъ женится на обиженной имъ дѣвушкѣ, Свидригайловъ заканчиваетъ свою жизнь благотворительностью и т. д.

Довольно замѣтную особенность творчества Достоевскаго составляетъ воспроизведеніе душевной жизни психически больныхъ и въ то время, когда психіатрія далеко еще не обладала необходимымъ матеріаломъ для опредѣленія свойствъ и теченія душевныхъ болѣзней. По исчисленію одного изъ психіатровъ (Чижа) у Достоевскаго до $^1/_4$ дѣйствующихъ лицъ душевно больныя. Та же наука удостовѣряетъ, что въ сочиненіяхъ Достоевскаго не рѣдко полнѣе и правильнѣе, чѣмъ у Шекспира, мы встрѣчаемъ воспроизведеніе процессовъ развитія душевныхъ болѣзней, припадковъ эпилепсіи, старческаго слабоумія, болѣзней религіознаго чувства и проч. Нѣкоторыя изъ наблюденій Достоевскаго несомнѣнно войдутъ въ учебники по психіатріи и по психопатологіи.

Не менѣе замѣтную особенность творчества Достоевскаго составляетъ то значеніе, которое отводитъ онъ религіи, какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ жизни народовъ. Съ особенною силою взглядъ этотъ былъ развитъ во второй періодъ его литературной дѣятельности, по возвра-

щеніи изъ Сибири. Такое отношеніе къ религіи зависѣло, конечно, отъ тонкаго религіознаго чувства, воспитаннаго въ немъ еще съ дѣтства. Первое дѣтское воспоминаніе, доступное Достоевскому, касается случая, когда его, еще трехлѣтняго ребенка, привела няня при гостяхъ въ гостинную, поставила на колѣна и заставила читать на сонъ грядущій слѣд. молитву: „Все упованіе, Господи, на Тебя возлагаю; Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ Своимъ“! Этою молитвою онъ впослѣдствіи напутствовалъ ко сну своихъ дѣтей. Въ бытность свою на каторгѣ онъ читалъ и перечитывалъ единственную дозволенную книгу, подаренную ему библію. Къ этому личному настроенію позже присоединилось то исключительное значеніе, которое Достоевскій усвоялъ религіи въ жизни народовъ. „Цѣль движенія народнаго“, говоритъ Шатовъ, герой „Бѣсовъ“, „во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственное лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него, какъ въ единаго истиннаго... Никогда еще не было народа безъ религіи, то есть безъ понятія о добрѣ и злѣ“ [1]).

Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ и обстановкѣ дѣтства Ѳ. М. Достоевскаго находятъ себѣ объясненіе нѣкоторыя частности его сочиненій, напр., названія нѣкоторыхъ мѣстностей и дѣйствующихъ лицъ. Такъ по указанію Андрея Михайловича Достоевскаго няня ихъ, дѣтей, Алена Флоровна, выступаетъ въ „Бѣсахъ“ въ качествѣ няни Лизы. Въ томъ же сочиненіи мѣсто поединка между Ставрогинымъ и Гагановымъ названо „Брыково“, какъ называлась одна мѣстность въ тульскомъ имѣніи ихъ отца. Крестьянинъ Марей, герой одной изъ повѣстей Ѳедора Михайловича, личность дѣйствительно существовавшая. Знаменитая Елизавета Смердящая, одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, напоминаетъ

---

[1]) Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, т. VII, ч. I, Спб. 1895 г., стр. 242.

Андрею Михайловичу дурочку Аграфену, которая, какъ и Елизавета, бродила по полямъ, говорила мало, несвязно и непонятно, постоянно вспоминала о ребенкѣ, похороненномъ на кладбищѣ (Біографія Достоевскаго, изд. 1883 г., стр. 8, 13, 14, 15, 16).

Что касается литературныхъ формъ, которыми пользовался Достоевскій въ своемъ творчествѣ, то въ этой области не сдѣлано имъ ничего новаго. Обычная форма его произведеній: повѣсть и романъ, замѣтно преобладающіе въ новѣйшей литературѣ Россіи и Запада Европы. Никогда также не пользуется онъ стихомъ. Это наблюденіе примѣнимо и къ Гончарову. Такую относительную бѣдность литературныхъ формъ у Достоевскаго мы должны объяснить не однимъ лишь примѣромъ современниковъ, но также особенностью его дарованія, созерцанія жизни и тѣми преимуществами, которыя даетъ повѣсть и особенно романъ для воспроизведенія широкихъ бытовыхъ картинъ. Въ его перепискѣ съ братомъ встрѣчается правда указаніе на драму, которая предполагалась къ постановкѣ на сценѣ и должна была обезпечить Достоевскаго матеріально [1]), но не видно, чтобы она была окончена, если только дѣйствительно была начата. Поэтому романъ и повѣсть остаются единственными формами, которыми онъ пользуется въ своемъ литературномъ творчествѣ.

Изложеніе рѣдко достигаетъ у Достоевскаго художественнаго совершенства. И повѣсти, но особенно романы страдаютъ иногда большими излишествами и растянутостью, а стиль необработанностью и однообразіемъ. Зависѣло это главнымъ образомъ отъ условій, при которыхъ приходилось Достоевскому писать. Отчасти по органическому неумѣнью располагать своими средствами, но еще чаще по требованію гнетущей нужды Достоевскому приходилось рабо-

---

[1]) Полн. собр. сочин. Ѳ. М. Достоевскаго, т. I, Спб. 1883 г.. отд. писемъ, стр. 71.

тать наспѣхъ, продавать сочиненія не только не написанныя, но и незадуманныя. Бывали случаи, когда черновые листочки, наскоро написанные, безъ провѣрки и просмотра, уносились посланными изъ типографіи людьми. Такое положеніе дѣла обычно понижало заработную плату писателя и создавало своего рода кабальное положеніе его. Онъ съ завистью и неудовольствіемъ узнавалъ, что Тургеневу и Толстому платятъ по 300 и болѣе рублей за печатный листъ, а ему по 100. Онъ говаривалъ: „я знаю, что я хуже пишу, но вѣдь я могу написать не хуже и даже лучше". Кабальность работы порой подавляла его. „Когда-то я выйду изъ долговъ? Бѣда работать поденщикомъ! Погубишь все: и талантъ, и юность, и надежду. Омерзѣетъ работа и сдѣлаешься, наконецъ, пачкуномъ, а не писателемъ" (Полн. Собр. сочин. Ѳ. М. Достоевскаго т. I, изд. 1883 г., отд. писемъ, стр. 60).

Но кабальность работы не была единственной причиной растянутости сочиненій Достоевскаго и небрежности стиля. Достоевскій такъ живо и сильно воспринималъ дѣйствительность, такъ много имѣлъ и хотѣлъ высказать, что не имѣлъ возможности строго обдумывать предметъ и обработывать его, чтобы поскорѣе перейти къ другому предмету, къ другой темѣ. По той же причинѣ его совершенно не интересовала природа, не потому, что онъ не замѣчалъ ея красоты, а потому, что своимъ вниманіемъ онъ былъ всецѣло отвлеченъ къ жизни человѣка. Въ этомъ оказывается истый житель Петербурга съ его однообразными улицами и бѣдною растительностью; а жить внѣ Петербурга онъ не могъ и оставлялъ его развѣ по необходимости.

Первымъ произведеніемъ, съ которымъ онъ выступилъ предъ читающей публикой, были знаменитые его „Бѣдные люди", вышедшіе въ 1845 г., когда автору было 23 года. Писалъ онъ своихъ „Бѣдныхъ людей" тщательно, тревожно, нервно, „почти со слезами", переправлялъ много и передѣлывалъ. Подробную исторію этого писанія Достоевскій самъ разска-

зываетъ въ письмахъ къ брату Михаилу, въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ и въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ словами Ивана Петровича.

Повѣсть „Бѣдные люди“ по своему содержанію стоитъ въ несомнѣнной связи съ повѣстью Гоголя „Шинель“. Были, конечно, основательныя причины, почему Достоевскій въ выборѣ содержанія подчинился вліянію этой превосходной и гуманной повѣсти геніальнаго поэта. Гнетущая нужда знакома была ему съ дѣтства. Въ Инженерномъ училищѣ, гдѣ онъ учился, бывали случаи такой матеріальной нужды, что во время лагерной жизни, въ дождь и холодъ, онъ не имѣлъ на что купить чаю, иногда запаздывалъ съ письмами къ отцу и брату только потому, что не на что было купить почтовой марки.

Достоевскій озаглавилъ свое сочиненіе не „несчастные“, а именно „бѣдные люди“, хотя героевъ и героинь его можно назвать съ тѣмъ вмѣстѣ и людьми несчастными. Ясно, что автора интересовала именно бѣдность со всѣми ея ужасными послѣдствіями, неустранимыми личными силами человѣка.

Въ повѣсти нѣтъ единства содержанія; нѣтъ и единства героя; но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ все-таки остается чиновникъ Макаръ Дѣвушкинъ, своего рода двойникъ Акакія Акакіевича Башмачкина. Маленькаго жалованья едва было достаточно на то, чтобы поддержать непритязательное благоприличіе оффиціальнаго костюма и не умереть съ голоду. Такое естественное жизненное счастье, какъ семья, для него не возможно и въ мечтѣ. День за день проходитъ его жизнь, безрадостная и сѣренькая, какъ туманный осенній, петербургскій день. Безполезный, какъ балластъ въ пору морского волненія, никнетъ и дремлетъ въ немъ порывъ участія въ судьбѣ близкаго человѣка. Подавленно и безнадежно переживаетъ онъ чувство своей ненужности и одиночества. И вотъ судьба сталкиваетъ его съ несчастной, покинутой и обиженной сиротой Варенькой. Проснулось дремавшее чувство человѣческаго участія и любви. Дѣвушкинъ

любитъ Вареньку, но боится признаться въ этомъ даже себѣ. Съ какой нѣжной тревогой матери и влюбленнаго человѣка дрожитъ онъ за судьбу несчастной дѣвушки, готовъ драться за нее съ обидчикомъ! А его готовность переносить всякія лишенія, чтобы доставить хоть какое-нибудь удовольствіе бѣдной дѣвушкѣ? Онъ забываетъ личныя лишенія, не хочетъ понимать и видѣть, въ какое состояніе недозволеннаго нерящества пришелъ его костюмъ. Вспомнимъ только сцену съ варваркой—пуговицей, которая оторвалась и покатилась на полъ въ глазахъ и къ ногамъ его превосходительства. А безутѣшное горе Дѣвушкина, когда онъ узнаетъ о рѣшимости Вареньки выдти за мужъ за своего обидчика Быкова, когда ему снова предстоитъ погрузиться въ минувшую дремоту, еще болѣе тяжелую послѣ недолговременнаго пріятнаго сна? Послѣ этого мы поймемъ восклицаніе Бѣлинскаго: „Да вы понимаетете ли сами-то, что это вы написали“? Великій критикъ былъ правъ, когда увидѣлъ здѣсь невольное откровеніе художественнаго дарованія начинающаго поэта. Въ этомъ своемъ значеніи „Бѣдные люди“ были дѣйствительнымъ предуказаніемъ и свойства дарованія Достоевскаго, и того господствующаго предмета творчества, который мы наблюдаемъ въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Это—скорбь о судьбѣ бѣдныхъ и обездоленныхъ людей, стремленіе и способность открывать въ ихъ душѣ подавленныя и затаенныя человѣческія чувства, то привлекательныя, то постыдныя, скрывающіяся отъ непрошеннаго любопытства безучастнаго наблюдателя. Юный поэтъ умѣлъ оцѣнить силу соціальныхъ условій быта человѣка, опредѣляющихъ помимо его воли проявленіе нравственной особенности его личности. Здѣсь же сказалось и влеченіе его дарованія затрогивать явленія духа человѣка, необычайныя и исключительныя, порой болѣзненныя.

Повѣсть имѣла огромный, можно сказать, небывалый успѣхъ. Молодой и самолюбивый Достоевскій съ необыкно-

венною самоувѣренностію принимается за дальнѣйшую работу, говоритъ, что пишетъ неслыханное, небывалое еще въ русской литературѣ твореніе. Рѣчь шла о повѣсти „Двойникъ“, которую онъ видимо предполагалъ озаглавить „Голядкинъ“. Новая повѣсть была встрѣчена сухо, найдена была крайне растянутой, даже неестественной. Авторъ пріунылъ, чуть не бросилъ литературы. По счастію для литературы матеріальная нужда заставляла его работать, хотя ему такъ и не удавалось создать что-либо равное „Бѣднымъ людямъ“ въ первый періодъ своей литературной дѣятельности до ссылки въ Сибирь.

Въ 1849 г., послѣ четырехмѣсячнаго одиночнаго заключенія, Ѳ. М. Достоевскій былъ приговоренъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ за участіе въ обществѣ Петрашевскаго, поставившемъ своею цѣлію ниспроверженіе существующаго порядка вещей. Положеніе Достоевскаго легко можно представить. Это былъ человѣкъ, оторванный отъ всего живого, отъ всякаго общенія съ людьми, отъ привычныхъ занятій, отъ книгъ, отъ литературы, которая составляла для него необходимую жизненную потребность. Онъ нарочно выбиралъ такія работы, которыя исполнялись внѣ стѣнъ острога, чтобы хоть подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться издали свободнымъ міромъ Божіимъ, который растилался по всѣмъ сторонамъ мрачнаго острога. Въ длинныя осеннія и зимнія ночи, предоставленный собственнымъ думамъ, онъ не разъ перебиралъ минувшее своей жизни и осудилъ его.

Свои впечатлѣнія и наблюденія острожной жизни онъ потомъ, по окончаніи срока каторги и по возвращеніи въ Петербургъ по милостивому манифесту, изложилъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи „Записки изъ мертваго дома“. Это сочиненіе, конечно, самое художественное изъ его произведеній. Міровая литература другого такого сочиненія не имѣетъ доселѣ. Л. Н. Толстой писалъ: „На дняхъ я читалъ

„Мертвый домъ“ и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина“. И. С. Тургеневъ находитъ въ ней дантовскія картины, напр., въ описаніи бани. Въ чемъ же сила успѣха? Въ необыкновенной простотѣ разсказа, въ отсутствіи нагроможденія ужасовъ, прикрасъ. И при всемъ томъ впечатлѣніе необыкновенно сильное, подавляющее. Мы не можемъ входить въ подробности оцѣнки этого единственнаго произведенія; замѣтимъ лишь, что, благодаря книгѣ Достоевскаго, поставленъ былъ вопросъ о преобразованіи тюремъ, а во взглядахъ юристовъ произошелъ переломъ въ пониманіи значенія тюремъ и каторги, какъ карательной мѣры.

Одновременно съ „Записками изъ Мертваго дома“ и даже нѣсколько раньше (въ 1861 г.; „Записки изъ мертваго дома“ печатались въ 1861—1862 гг.) началъ печататься знаменитый романъ Достоевскаго „Униженные и оскорбленные“. При всѣхъ недостаткахъ исполненія, особенно при своей растянутости, романъ обладалъ такими качествами, которыя дѣлали и дѣлаютъ его одною изъ любимыхъ и наиболѣе читаемыхъ книгъ.

Достоевскій яснѣе, чѣмъ другіе, сознавалъ недостатки своего произведенія, готовъ былъ уничтожить его вовсе, но пощадилъ ради пятидесяти страницъ, написанныхъ съ воодушевленіемъ и огнемъ. Читающая публика отнеслась снисходительнѣе автора и критики къ технической сторонѣ романа, а заглавіе его обратилось въ нарицательный терминъ. Ясно, что авторъ съумѣлъ угадать настроеніе времени и отмѣтить явленія, которыя были у всѣхъ предъ глазами. Тема и дѣйствующія лица не совсѣмъ новы, знакомы намъ и по прежнимъ произведеніямъ автора, но воспроизведены въ своеобразномъ освѣщеніи: *угнетенные,* или, какъ выразился одинъ критикъ, *забитые люди* выступаютъ предъ нами въ такомъ обаяніи глубокаго чувства привязанности, любви и самопожертвованія, какихъ до того времени мы напрасно стали бы

искать у автора. Къ Наташѣ Ихменевой и Ивану Петровичу вполнѣ можно примѣнить слова Катерины Ивановны, сказанныя ею относительно Дмитрія Карамазова: „Я обращусь лишь въ средство для его счастія (или какъ это сказать), въ инструментъ, въ машину для его счастія, и это на всю жизнь свою“ [1]). Разница только въ томъ, что слова Катерины Ивановны подсказаны „надрывомъ“, можетъ быть, желаніемъ порисоваться; тогда какъ любовь Наташи и Ивана Петровича была вполнѣ искренна, не довольствовалась обычными формами выраженія, искала случаевъ для самопожертвованія и находила ихъ. Эта любовь не слѣдствіе душевной дряблости, безхарактерности, неспособности выступить на свою самозащиту, а есть, напротивъ, слѣдствіе той особенной глубины и силы душевной, которая способна подавить эгоизмъ и возвыситься до всепрощенія, до полнаго забвенія личныхъ обидъ, до незамѣчанія ихъ. Въ свою очередь, характеръ Алеши Валковскаго одинъ изъ наиболѣе сложныхъ и глубоко задуманныхъ. Это первая проба изобразить характеръ Алеши Карамазова, какъ мы знаемъ и раньше Достоевскаго, въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова, послѣдовательныя попытки рисовать одинъ и тотъ же типъ, напримѣръ разочарованнаго человѣка.

Въ 1866 г. вышло въ свѣтъ знаменитое „Преступленіе и наказаніе“, это грандіозное произведеніе, стоящее особнякомъ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ и по своей задачѣ и по исполненію. Впрочемъ убійства и грабежи, столь обычные во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, давно были предметомъ талантливыхъ и бездарныхъ писаній; знаемъ мы убійства и грабежи идейные, какъ въ „Разбойникахъ“ Шиллера, въ повѣсти „Дубровскій“ Пуш-

---

[1]) Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, СПБ. 1882 г., Братья Карамазовы, стр. 214.

кина; но Достоевскій затронулъ это явленіе съ особенной точки зрѣнія, съ какой не затрогивалъ его еще никто. Идея для такихъ убійствъ, по выраженію одного критика (Брикнера), носилась въ окружающемъ воздухѣ; совершались убійства студентами въ Парижѣ и Петербургѣ; но никому изъ талантливыхъ писателей не приходила въ голову мысль всмотрѣться въ это явленіе, углубиться въ выясненіе общественныхъ и личныхъ причинъ и побужденій, вызывавшихъ подобнаго рода явленія, чтобы дать имъ соціальныя и психологическія обоснованія. Для обычнаго взгляда студентъ Раскольниковъ двойной убійца и грабитель; онъ заслуженно преслѣдуется правосудіемъ, присуждается къ каторжнымъ работамъ; но читатель чувствуетъ, что предъ нимъ преступленіе необычайное, не вмѣщающееся въ обычныя рамки убійствъ съ цѣлію грабежа. Не говоримъ уже о томъ, что Раскольниковъ не воспользовался и не стремился воспользоваться въ личныхъ интересахъ награбленнымъ; но для читателя ясно, что студентъ Раскольниковъ даже неиспорченный и недурной человѣкъ. Онъ необычно, нервно отзывчивъ на чужое и незаслуженное горе и страданіе, готовъ облегчить это горе и страданіе своимъ участіемъ и пожертвованіемъ послѣднихъ копѣекъ, имѣющихся въ его распоряженіи. Нужна была обстановка большого города, нужно было исключительное направленіе идей эпохи, чтобы созрѣло и дошло до осуществленія убійство ростовщицы, этой, по выраженію Раскольникова, вредной ничтожности, паразита, высасывающаго послѣдніе жизненные соки бѣдноты. Но паразитъ этотъ носилъ человѣческое имя, имѣлъ, подобно всѣмъ, какъ сказалъ бы Базаровъ, печень и селезенку, былъ самъ жертвою соціальныхъ порядковъ окружающей среды; подавленная своею ограниченностью, эта человѣческая „ничтожность“ не смогла подняться до болѣе возвышеннаго пониманія жизни и до болѣе достойнаго примѣненія своихъ силъ; но для нервнаго наблюденія Раскольникова это все таки было бездушное и эгоистичное насѣкомое. Обитатель

чердаковъ и мансардъ, созерцатель гнетущей нищеты, незаслуженной и безсильной оказать сопротивленіе давленію сильнаго, ночной путешественникъ по опустѣвшимъ улицамъ столицы, въ эту пору наполняемой жертвами сытой похоти и оборванными дѣтьми, высланными обитателями подваловъ за подачкой къ тѣмъ, у кого еще не совсѣмъ окаменѣло сердце,—дѣтьми, которымъ потомъ предстоитъ быть свидѣтелями пьянства и разврата на собранныя ими же, дѣтьми, деньги,—Раскольниковъ въ минуты празднаго и тягостнаго уединенія болѣзненно и мучительно работаетъ надъ разрѣшеніемъ міровыхъ проблемъ о переустройствѣ общества въ цѣляхъ созданія общаго благоденствія и счастія. Онъ чувствуетъ, что медленный путь совершенствованія общественныхъ отношеній посредствомъ успѣховъ наукъ и просвѣщенія рисуетъ общественное благополучіе въ такомъ неуловимомъ отдаленіи, которое совсѣмъ не отвѣчаетъ его нетерпѣливымъ порывамъ. Но какъ ускорить этотъ процессъ? Вонъ тамъ въ подвалѣ ютится голодная семья пьяницы Мармеладова, который высасываетъ у жены и дѣтей послѣднія средства самозащиты отъ холода и голода. Старшая дочь Соничка пошла на улицу, чтобы цѣною своего позора спасти отъ голодной смерти чахоточную мачеху и голодныхъ сестеръ. Не могутъ же они ожидать мірового благополучія въ отдаленномъ будущемъ, когда неумолимый голодъ требуетъ немедленной пищи, а холодъ немедленнаго прикрытія тѣла. Мы чувствуемъ, что „отвлеченный“ человѣкъ и доктринеръ, какъ лбомъ въ стѣну упирается въ вопросъ о преступленіи. Вѣдь вотъ убей я эту зловредную старушенку, сколько будетъ обезпечено и утѣшено нищеты, сколько отерто слезъ, сколькимъ даровитымъ юношамъ будетъ открыта возможность окончить образованіе и быть въ будущемъ полезными обществу! Но вѣдь это будетъ преступленіе! А что такое преступленіе? Наполеонъ во имя своей идеи проливалъ человѣческую кровь, какъ воду, безъ угрызеній совѣсти, и былъ

увѣнчанъ современниками и потомствомъ, какъ величайшій геній. И у нашего юнаго отшельника возникаетъ заманчивая теорія дѣленія людей на обыкновенныхъ смертныхъ, предназначенныхъ къ покорному исполненію чужихъ велѣній, и людей высшаго порядка, сверхчеловѣковъ, для которыхъ ни общія понятія, ни общій порядокъ не обязательны. Возникалъ самъ собою вопросъ, что представляетъ изъ себя онъ, Родіонъ Романовичъ Раскольниковъ, тварь дрожащую или вотъ этого сверхчеловѣка? Этотъ вопросъ гвоздемъ засѣлъ въ его головѣ, заслонилъ собою живыя явленія дѣйсвительности, то людское страданіе, которое выдвинуло самую идею убійства, необходимость осторожности, предусмотрительности и первоначальную цѣль преступленія. Входя къ ростовщицѣ, онъ даже не притворилъ за собою двери, въ которую поэтому свободно вошла сестра ростовщицы, „милая, съ кроткими глазами“ Елизавета, которая дѣлается второю, непредвидѣнною жертвою преступленія. Машинально, какъ во снѣ, набиваетъ Раскольниковъ карманы наименѣе цѣнными вещами. Необходимо рѣшительно сказать, что міровая литература не имѣетъ произведенія, въ которомъ мы находили бы такое мастерское воспроизведеніе преступленія, совершеннаго интеллигентнымъ человѣкомъ, неспособнымъ на такое жестокое дѣло. А душевное состояніе Раскольникова послѣ убійства, когда онъ еще глубже уходитъ въ себя, бѣжитъ человѣческаго общества, чуждается ласки и общенія съ самыми дорогими и близкими людьми: матерью и сестрою, пріѣхавшими въ Петербургъ видѣть дорогого Родю, когда онъ, разбитый, нравственно измученный, но все еще гордый своею идеею сверхчеловѣка, несетъ свою исповѣдь Сонечкѣ Мармеладовой, этому кроткому, чистому при своемъ порокѣ существу, общественному отщепенцу, подавленному тяжестью общественнаго презрѣнія?! Да, въ русской литературѣ романъ Достоевскаго занимаетъ особое мѣсто, какъ явленіе невиданное, неожиданное. А второстепенныя лица романа, изъ

которыхъ каждое необходимо для цѣлаго и достойно тщательнаго вниманія. Помѣщикъ Свидригайловъ, на все дерзающій и безнаказанный сладострастникъ, обезпечивающій семью Мармеладовыхъ,—Соничка и самъ безудержный пьяннца Мармеладовъ, съ его твердой вѣрой и надеждой на Божіе милосердіе въ день страшнаго суда Господня? Достоевскій разрушаетъ всѣ принятыя понятія, устанавливаетъ новую оцѣнку преступнаго и позорнаго, дозволеннаго и недозволеннаго.

Трудно сказать, имѣлъ-ли Достоевскій какія-либо побочныя, второстепенныя цѣли при созданіи своего великаго произведенія, напр., казнить въ лицѣ Раскольникова западника, оторвавшагося отъ родной почвы и народа. Несомнѣнно, что на почвѣ старорусскихъ, до-петровскихъ понятій такого явленія возникнуть не могло; вѣрно и то, что отношеніе Достоевскаго къ западной Европѣ съ годами рѣзко измѣнялось. По выраженію одного изъ западно-европейскихъ историковъ литературы (Брандеса), Достоевскій „истинный скифъ, настоящій варваръ безъ единой капли классической крови въ жилахъ“ [1]). Чѣмъ болѣе крѣпнетъ его талантъ, чѣмъ болѣе уясняются для него личныя его воззрѣнія на текущія событія русской жизни, тѣмъ тверже онъ примыкаетъ къ роднымъ историческимъ устоямъ, какъ онъ ихъ понималъ, тѣмъ сильнѣе сближался онъ съ воззрѣніями славянофиловъ. По его мнѣнію, въ вопросѣ объ историческихъ судьбахъ Россіи русскіе люди брели ощупью; но „славянофилы все-таки знали во сто разъ болѣе западниковъ“. Воззрѣнія эти Достоевскій яснѣе всего формулировалъ въ публицистическихъ статьяхъ своихъ въ „Гражданинѣ“ 1873 г. и въ „Дневникѣ писателя“, который имъ сталъ издаваться съ 1876 г. Въ статьяхъ этихъ слышится громкій призывъ

---

[1]) Георгъ Брандесъ, Литературныя характеристики, Кіевъ, 1903 г., стр. 154.

увѣровать въ свой народъ, какъ великій, богоизбранный, въ исключительное міровое призваніе Россіи, въ русское православіе, какъ единственно истинное истолкованіе и храненіе основъ и сущности христіанства въ противоположность искаженію его на западѣ Европы, въ особенности въ римскомъ католицизмѣ, въ высоту чувства христіанскаго братства, присущаго духу русскаго народа въ большей мѣрѣ, чѣмъ какому-либо другому народу во всей поднебесной. Но тѣ же воззрѣнія рѣзко и отчетливо выступаютъ и въ художественныхъ произведеніяхъ этого періода: „Идіотѣ", „Бѣсахъ", „Подросткѣ" и съ особенною силою въ знаменитой поэмѣ „Великій инквизиторъ" въ „Братьяхъ Карамазовыхъ".

„Идіотъ" и „Бѣсы" написаны были Достоевскимъ за границею, куда онъ бѣжалъ отъ долговъ, впрочемъ, не своихъ, а своего умершаго брата Михаила. Къ тому же онъ вторично женился. Единственнымъ средствомъ жизни была литературная дѣятельность. Приходилось работать безъ устали и спѣшно. Ясно, что такая работа не могла не отразиться на художественной сторонѣ „Идіота" и въ особенности „Бѣсовъ".

Задача „Идіота", превосходнаго по замыслу и изумительной глубинѣ психологическаго анализа главныхъ дѣйствующихъ лицъ, могла быть доступна только Достоевскому, который самъ былъ эпилептикомъ, какъ и князь Мышкинъ. Вотъ почему сочиненіе это имѣетъ важное автобіографическое значеніе. Рѣшительно нужно сказать, что типъ князя Мышкина, этого юродиваго, единственный и въ русской и въ міровой литературѣ, даетъ богатѣйшій матеріалъ для психопатологіи. Типъ Мышкина—одинъ изъ привлекательнѣйшихъ типовъ для самого Достоевскаго. Евангельская, можно сказать, простота и чистота сердца, изумительная наивность, прямота, отсутствіе лукавства, съ одной стороны умственная ограниченность и болѣзненность, а съ другой—

изумительная проницательность, чуть не ясновидѣніе, умѣнье разобраться въ самыхъ запутанныхъ людскихъ отношеніяхъ — вотъ сложный и мастерской типъ Мышкина. Не удивительно, что онъ является выразителемъ собственныхъ взглядовъ Достоевскаго, между прочимъ, и славянофильскихъ. Кн. Мышкинъ--глубокій патріотъ и истинно-русскій человѣкъ. Онъ вѣритъ, что „кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался“, что русскій человѣкъ съ жадностью, тоскливо, съ страданіемъ ищетъ „русскій Свѣтъ“, отъ него сокрытый подобно золоту въ землѣ; онъ вѣритъ, что достаточно показать русскому народу „въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, вырастетъ предъ изумленнымъ міромъ“. Одновременнно съ этимъ Мышкинъ убѣжденъ, что католичество вѣра не христіанская, хуже самого атеизма; потому что „атеизмъ только проповѣдуетъ нуль, а католицизмъ идетъ дальше: онъ искаженнаго Христа проповѣдуетъ, имъ же оболганнаго и поруганнаго, Христа противоположнаго“; это вѣра антихристова, вѣра политическаго мірового господства, подавленія церкви и вѣры. Поэтому отъ отчаянія родились изъ католицизма атеизмъ и соціализмъ. „Надо, чтобы возсіялъ въ отпоръ Западу нашъ Христосъ, Котораго мы сохранили и Котораго они и не знали“. Ясно, что сочиненія Достоевскаго начинаютъ выступать изъ рамокъ строгаго художества и обращаются въ публицистику.

Личностью князя Мышкина не исчерпывается достоинство „Идіота“. Здѣсь же встрѣчаются превосходныя по замыслу и высоко своеобразные типы Настасьи Филипповны и Аглаи. Очаровательныя до неотразимости, эти двѣ женщины представляютъ изумительную смѣсь нѣги и мучительства, своеволія и покорности, любви и ненависти, сулятъ безграничное блаженство и мученье. Типы эти стоятъ въ нашей литера-

турѣ особнякомъ, какъ и превосходно задуманный типъ купца Рогожина.

Въ 1871 году были напечатаны „Бѣсы“, сочиненіе, совершенно лишенное художественнаго значенія, въ которомъ нѣтъ ни одного законченнаго, художественнаго типа. Но отсюда никакъ не вытекаетъ отсутствіе въ немъ значенія общественнаго: сочиненіе это посвящено революціонной пропагандѣ 70-хъ годовъ, а потому не утратило своего значенія и доселѣ. Не даромъ Мережковскій въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи о Достоевскомъ, вышедшемъ въ нынѣшнемъ году [1]), называетъ его пророкомъ русской революціи. Отъ участника процесса Петрашевскаго можно было бы, повидимому, ожидать другого отношенія къ сторонникамъ русской революціи. Читая сочиненіе Достоевскаго, невольно переносишься въ XV—XVI вв. русской исторіи, къ порѣ окончательнаго собиранія и созданія политическаго могущества русскаго государства. Тогда русскіе книжники относились не только подозрительно, но и крайне недоброжелательно ко всякой попыткѣ внести рознь въ жизнь и въ мысль русскаго народа, напр., къ ересямъ, въ которыхъ видѣли не одну религіозную, но и политическую опасность. Достоевскій видѣлъ великую силу русскаго народа въ его духовномъ единствѣ, не только цѣнилъ его, но и трепеталъ за него, и потому въ попыткѣ революціонной пропаганды видитъ разрушеніе этого единства, сѣяніе розни, измѣну русскому національному дѣлу. Онъ обвиняетъ поборниковъ революціи въ оторванности отъ народа, незнаніи истинныхъ народныхъ нуждъ и въ измѣнѣ русской народности. Шатовъ, вышедшій изъ народа и возвратившійся къ нему, выступаетъ изъ революціоннаго кружка. Какъ и князь Мышкинъ, Шатовъ увѣровалъ въ свой народъ, въ

---

[1]) Д. Мережковскій, Пророкъ русской революціи, СПБ. 1906 года.

его великую историческую миссію, преклонился предъ его вѣрою и правдою. По его мнѣнію, народъ, „теряющій такую вѣру въ себя, уже не народъ. Истина одна, а, стало быть, только единый народъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ „богоносецъ“—это русскій народъ [1]), „грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова“ [2]). „Богъ, по его взгляду, „есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца“ [3]); а потому кто отрекается отъ своей вѣры, отъ православія, тотъ измѣняетъ и своему народу, отрывается отъ него. Устами Шатова несомнѣнно говоритъ самъ Достоевскій. Если мы прибавимъ къ этому, что великій писатель былъ сторонникомъ личнаго совершенствованія, что единственно въ нравственной высотѣ и совершенствованіи каждаго отдѣльнаго члена государства онъ видѣлъ залогъ благосостоянія и успѣховъ всего государства; то для насъ станетъ понятнымъ, почему онъ съ такою суровостію отнесся къ революціонной пропагандѣ 70-хъ годовъ.

Въ 1879 году были напечатаны „Братья Карамазовы“, одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній нашего автора, если не по художеству исполненія, то по широтѣ поставленныхъ задачъ. Въ конечномъ своемъ исполненіи сочиненіе это несомнѣнно призвано было послужить откровеніемъ мысли и сердца самого автора, рѣшить основные вопросы русской общественной и религіозной жизни. Къ сожалѣнію, сочиненіе осталось неоконченнымъ. Особенность его указывается уже самымъ заглавіемъ. Въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ, не исключая и „Записокъ изъ мертваго дома“, Достоев-

---

[1]) Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, т. VII, СПБ. 1895 г., стр. 244.

[2]) Ibid., стр. 239.

[3]) Ibid., стр. 242.

скій занятъ художественнымъ воспроизведеніемъ жизни отдѣльныхъ лицъ, порой связанныхъ, сознательно и безсознательно, добровольно и невольно, единствомъ общественныхъ, правовыхъ и личныхъ отношеній. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ авторъ затрогиваетъ цѣлую семью, съ наслѣдственными и личными особенностями ея членовъ. Если извѣстный критикъ Добролюбовъ по поводу знаменитаго романа Гончарова „Обломовъ“ поставилъ вопросъ о томъ, что такое „обломовщина“, то при чтеніи романа „Братья Карамазовы“ невольно возникаетъ вопросъ о карамазовщинѣ, какъ семейной особенности. Задача эта не совсѣмъ нова въ исторіи русской литературы. Въ 1859 году другой знаменитый русскій писатель издалъ въ свѣтъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній „Дворянское гнѣздо“, въ которомъ поставилъ своею задачею выяснить, какъ и въ силу какихъ историческихъ условій постепеннаго видоизмѣненія наслѣдственнаго типа опредѣлилась личность Ѳедора Лаврецкаго. Это былъ несомнѣнно новый пріемъ выясненія общественныхъ явленій современности, воплощаемыхъ поэтами въ отдѣльномъ лицѣ. Ѳ. М. Достоевскій поставилъ вопросъ о наслѣдственности существенно иначе, въ границахъ одной семьи. Отсюда несомнѣнно произошла разница пріемовъ творчества и освѣщенія предмета. Для цѣлей Тургенева было достаточно одного представителя родового типа, именно Ѳедора Ивановича Лаврецкаго. Для Ѳ. М. Достоевскаго такой пріемъ былъ неосуществимъ по его нецѣлесообразности, какъ неспособный выяснить особенность проявленія наслѣдственности въ разныхъ членахъ семьи. Поэтому онъ заставляетъ главу семьи Карамазовыхъ, Ѳедора Павловича Карамазова, жениться дважды на дѣвушкахъ, существенно различныхъ между собой: въ первый разъ на молодой, красивой, богатой, бойкой и умной Аделаидѣ Ивановнѣ Міусовой: отъ этого брака родился старшій сынъ, Димитрій Ѳедоровичъ Карамазовъ; второй разъ онъ женился на Софьѣ Ивановнѣ, „съ дѣтства безродной си-

ротѣ, дочери какого-то темнаго діакона", воспитанной въ богатой обстановкѣ „сумазбродной отъ праздности благодѣтельницы". Это было кроткое, незлобивое, полузабитое, очень красивое существо, съ „невинными глазками". Ѳедора Павловича „эти-то невинные глазки какъ бритвой по душѣ полоснули", а потому онъ увезъ ее отъ благодѣтельницы безо всякаго приданаго. И раньше нервная, у своей благодѣтельницы, она у своего мужа была истинной страдалицей, вся ушла въ религію и сдѣлалась „кликушей", какъ выражается народъ. Отъ этого второго брака родились: Иванъ и Алексѣй Карамазовы. Всѣ сыновья унаслѣдовали отъ своего отца основную черту его: сладострастіе насѣкомаго. Старшій Димитрій говоритъ про себя, что это насѣкомое въ немъ есть, прибавляетъ, что мы всѣ Карамозовы такіе же; и въ тебѣ, ангелъ; говоритъ онъ Алешѣ, жившему въ монастырѣ, это насѣкомое живетъ и въ крови твоей бури родитъ". По выраженію Смердякова, Иванъ Карамазовъ изъ всѣхъ дѣтей наиболѣе вышелъ похожимъ на отца, между прочимъ и въ этой родовой чертѣ [1]). Отецъ отдается этой страсти необузданно, цинично, изобрѣтательно, безъ борьбы, нагло, какъ говоритъ авторъ. Средства борьбы съ этою наслѣдственностію дѣтей очень различны. Самъ Ѳедоръ Карамазовъ дѣтей своихъ не воспитывалъ, забрасывалъ ихъ совершенно, а потому въ пору сознательнаго возраста они росли у разныхъ благодѣтелей и благодѣтельницъ, внѣ растлѣвающаго вліянія жизненной обстановки отца. Оставалась для нихъ борьба съ наслѣдственными природными влеченіями. Беззащитнѣе всѣхъ оказался старшій сынъ, какъ наименѣе образованный и жившій въ неблагопріятной обстановкѣ; Иванъ Карамазовъ находитъ сильную опору въ своемъ умѣ и превосходной научной школѣ, которую онъ прошелъ, благодаря больше всего личнымъ

---

[1]) Алексѣй Карамазовъ такъ опредѣляетъ силу низости Карамазовской: „потонуть въ развратѣ, задавить душу въ растлѣніи", и Иванъ соглашается съ этимъ опредѣленіемъ.

усиліямъ. Но самымъ надежнымъ средствомъ борьбы съ семейнымъ наслѣдствомъ обладалъ младшій сынъ Алеша, въ своей чистотѣ и невинности ,въ „изступленной стыдливости и цѣломудренности“, по выраженію автора, которыя еще въ стѣнахъ школы не позволяли ему слышать „извѣстныхъ словъ и извѣстныхъ разговоровъ про женщинъ“. Потому же оргіи отца съ женщинами не вредятъ его нравственной чистотѣ, когда онъ 19 лѣтъ возвратился въ домъ отца. Отсюда выясняется и различное отношеніе дѣтей къ отцу. Съ наибольшей и непримиримой ненавистью относится къ нему старшій сынъ, Димитрій, и не только по спорнымъ вопросамъ о наслѣдствѣ отъ матери, но и ради соперничества изъ-за Грушеньки. Иванъ относится къ отцу съ подавляющимъ превосходствомъ и презрѣніемъ, которыхъ не могъ не чувствовать старикъ-отецъ. Только младшій сынъ, Алексѣй, относился къ отцу съ той искреннею любовію, которая какъ бы ничего не замѣчаетъ и никого и никогда не судитъ. Отецъ полюбилъ его больше остальныхъ своихъ сыновей.

Иного рода наслѣдственность шла отъ „кликуши“ матери, женщины истинно религіозной и нравственно высокой. Эта черта ея сильнѣе всего сказывается въ младшемъ сынѣ Алешѣ. Какъ и мать, онъ вѣритъ въ Бога всей полнотой своего сердца и прежде всего сердца. Натура цѣльная, чуждая раздвоенности, Алеша не знаетъ сомнѣнія и разнорѣчія между голосомъ сердца и мысли. Въ свою очередь въ сердцѣ его господствующимъ чувствомъ является любовь, чистая, прямая, безграничная. Она-то открываетъ ему не только путь къ Богу, но примиряетъ и устраняетъ тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаютъ въ мірѣ между любовію Божіею и страданіемъ человѣчества на землѣ. Алеша какъ бы воплощаетъ въ своей жизни высокое начало жизни великаго старца Зосимы: „По мѣрѣ того, какъ вы будете преуспѣвать въ любви“, говоритъ Зосима Хохлаковой, „будете убѣждаться и въ бытіи Бога и въ безсмертіи души вашей“. Въ братѣ его

Иванѣ Карамазовѣ эта черта наслѣдственности выражается совершенно иначе. Естественникъ по образованію, со складомъ ума Евклида, многоученый Иванъ не видитъ въ земномъ мірѣ царства любви ни Божіей, ни человѣческой; а потому отрицаетъ этотъ міръ, не признаетъ и „такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество“. Оттого для него закрыто истинное пониманіе Бога. Хоть онъ и говорилъ Алешѣ, что онъ не Бога отрицаетъ, а міръ Его отрицаетъ, но онъ не вѣритъ въ безсмертіе человѣческой души, а потому не можетъ вѣровать и въ Бога и находитъ источникъ страданія въ голосѣ своей совѣсти: его, какъ и брата его Димитрія, Богъ мучилъ всю жизнь.

Не только въ русской, но и въ міровой литературѣ нѣтъ литературнаго произведенія, которое представило бы столько глубины мучительныхъ сомнѣній въ Богѣ и Его міровомъ промыслѣ. Было выражено мнѣніе, что въ лицѣ Ивана Карамазова Достоевскій казнилъ ненавистнаго ему западника, оторвавшагося отъ отечественной почвы и народной вѣры; но мы не можемъ не указать, что тотъ же Иванъ служитъ несомнѣннымъ выразителемъ и собственныхъ воззрѣній Достоевскаго на значеніе любви и на католичество въ извѣстной поэмѣ „Великій Инквизиторъ“. Таковъ общій смыслъ громаднаго произведенія Достоевскаго. Каждый отдѣльный типъ, здѣсь выведенный, заслуживаетъ тщательнаго выясненія по небывалой глубинѣ воспроизведенія основныхъ вопросовъ человѣческой жизни и духа. Въ широкихъ и глубоко задуманныхъ картинахъ человѣческой жизни читатель наблюдаетъ, какъ, по пластическому выраженію Димитрія Карамазова, Богъ и сатана борются въ душѣ и за душу человѣка. Читая эти страницы, невольно вспоминаешь дуалистическую систему богомиловъ о совмѣстномъ созданіи человѣка Богомъ и сатаной, и борьбѣ ихъ за душу человѣка.

„Братья Карамазовы“ были лебединою пѣснію Ѳ. М. Достоевскаго, какъ поэта. Второй томъ этого произведенія

не вышелъ, и типъ Алеши, самый интересный и основной въ романѣ, остался незаконченнымъ.

28 января 1881 года Достоевскій скончался отъ разрыва сердца. Смерть его была невознаградимою утратою не для одной русской литературы. Онъ былъ истиннымъ истолкователемъ важнѣйшихъ явленій и запросовъ русской жизни и мысли, проповѣдникомъ и поборникомъ культурной самобытности русскаго народа. Про него мало сказать, что онъ любилъ свою родину: онъ вѣровалъ въ нее; вѣровалъ въ русскій народъ, какъ великій историческій народъ, которому предстоитъ сказать новое слово, разрѣшить противорѣчія началъ западно-европейской и всей міровой жизни.

Какъ авторъ художественныхъ произведеній Достоевскій указалъ новые пути изученія и воспроизведенія души человѣческой, затронулъ и отчасти разработалъ новые типы, новыя явленія жизни. Въ этомъ отношеніи Достоевскій занимаетъ свое особое мѣсто и стоитъ на исключительной высотѣ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ всѣ существенные элементы декадентства, символизма раньше, чѣмъ то и другое опредѣлилось на западѣ Европы и у насъ. Раньше другихъ онъ затронулъ и раскрылъ демоническое въ душѣ человѣка, въ красотѣ, въ любви, представилъ цѣлый рядъ типовъ, въ родѣ Настасьи Филипповны, Грушеньки, Аглаи и др.,— типовъ, разработанныхъ съ небывалою силою и полнотою. Достоевскій рѣшительно первый, и не только въ русской, но и въ европейской литературѣ, затронулъ идею сверхчеловѣка и человѣкобога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ не только предшественникомъ, но истиннымъ учителемъ Ницше, какъ въ этомъ удостовѣряетъ насъ самъ Ницше, называя Достоевскаго „глубокимъ человѣкомъ“, „единственнымъ психологомъ, у котораго онъ могъ кое-чему научиться, знакомство съ сочиненіями котораго онъ считаетъ

„лучшимъ и счастливѣйшимъ случаемъ своей жизни“ (Брикнеръ). Съ смѣлостію, отличавшею великаго писателя, онъ затронулъ высочайшія проблемы человѣческаго духа, какъ никто ни раньше, ни послѣ него, ни въ Россіи, ни въ міровой литературѣ. Въ своемъ могучемъ дарованіи и изумительной прозорливости онъ нашелъ предчувствіе многихъ вопросовъ и явленій русской жизни и раньше другихъ далъ имъ выраженіе въ своихъ великихъ произведеніяхъ. По выраженію одного новѣйшаго западно-европейскаго историка русской литературы (Брикнера), „доколѣ будутъ выдвигаться метафизическіе вопросы, вопросы о добрѣ и злѣ, о темной сторонѣ человѣческаго духа, Достоевскаго будутъ читать“. Онъ принадлежитъ въ міровой литературѣ къ тѣмъ немногимъ, которые никогда не будутъ забыты“. По его выраженію, „не въ Фаустѣ, а именно въ „Преступленіи и наказаніи“ *охватываетъ насъ весь ужасъ человѣческихъ страданій*“.